

Глава 16

[Сун Юаньюань: Ли Жун, почему ты не отвечаешь на сообщения?]

[Сун Юаньюань: В эти выходные моя вечеринка в честь дня рождения. Ты обязательно должен прийти, я буду ждать.]

[Сун Юаньюань: Помнишь, как в прошлом году мы вместе смотрели на звёзды в кафе «Вершина облаков»?]

В телефоне Ли Жуна всё ещё хранилась вся история их переписки.

Нынешняя Сун Юаньюань пока не дошла до того, чтобы, брызжа слюной, проклинать его и желать ему смерти. Их окончательный разрыв произошёл лишь через год после окончания университета.

Тогда девушка в очередной раз пыталась выслужиться перед Цэнь Сяо. Она принесла собственноручно приготовленный личи-мусс и долго стучала в дверь, но ей никто не открывал. И как раз в тот момент, когда она, вконец расстроенная, уже собиралась уходить, дверь распахнулась, и на пороге показался Ли Жун.

На нём был белый халат, который он надевал только для работы в лаборатории. Широкие рукава были закатаны до предплечий, обнажая тонкие белые руки. Влажные пряди волос прилипли к вискам, брови были недовольно нахмурены, а в глазах застыла ледяная стужа.

— Я же говорил, курьерам не обязательно стучать...

Они замерли, глядя друг на друга в полном молчании.

У Сун Юаньюань был острый глаз: она сразу заметила под воротником лабораторного халата свежий, ярко-красный след от укуса. Юноша днями напролёт пропадал в лаборатории, почти не видел солнца, и на его неестественно белой коже эти отметины горели особенно отчётливо.

Друг детства, обладатель изящного тела и красивого лица, стоял перед ней в доме Цэнь Сяо — мужчины, за которым она так долго охотилась, — а на его ключицах красовались двусмысленные следы, оставленные чужими зубами.

Собеседница не была наивной девочкой. Одного взгляда на Ли Жуна ей хватило, чтобы понять, что именно здесь происходило мгновение назад. Её лицо мертвенно побледнело, губы задрожали, и она внезапно сорвалась на истошный крик:

— Ты ведь там... ты ведь там совсем без одежды под этим халатом?!

Ли Жун промолчал. Одежда на нём была, хоть и до смешного мало, но он решил, что ей вовсе не обязательно знать подробности.

Цэнь Сяо слышал всё из гостиной. Он вальяжно подошёл, полностью игнорируя присутствие гостя, и обхватил Ли Жуну за талию со спины. Положив ладонь ему на шею и лениво потираясь подбородком о его плечо, он негромко предостерёг:

— Твой пульс участился. Надеюсь, это не потому, что ты всё ещё что-то к ней чувствуешь.

Находясь в его власти, Ли Жун напрягся всем телом. Его холодный взгляд заметно дрогнул, и прямо на глазах у Сун Юаньюань он, стиснув зубы, процедил:

— Если ещё раз оставишь на мне хоть след, я всажу тебе скальпель прямо в сердце.

Лицо Сун Юаньюань исказилось от боли. Ли Жун захлопнул дверь и в тот же миг в качестве мести изо всех сил впился зубами в кадык Цэнь Сяо.

Всю следующую неделю сотрудники Третьего района «Ланьшу» недоумевали, почему их начальник внезапно перешёл на свитеры с высоким горлом.

Воспоминания о прошлом были, мягко говоря, не самыми приятными.

Выкроив время между уроками, Ли Жун плотнее запахнул тёплую куртку и отправился в торговый центр. Опершись на прилавок и подперев подбородок рукой, он долго изучал ассортимент ювелирного отдела, пока наконец не указал на пару серег-гвоздиков в форме звёзд.

— Они хорошо продаются?

Продавщица расплылась в профессиональной улыбке:

— У вас отличный вкус! Эта модель — хит нашего магазина. Сразу видно, что вы подготовились к покупке.

Юноша едва заметно усмехнулся и лениво качнул головой:

— Вовсе нет. Просто это единственное, на что мне хватает денег.

Женщина неловко улыбнулась, оценивающим взглядом скользая по нему. Одет он был довольно дорого, но выглядел совсем молодым — вероятно, родители строго контролировали его расходы.

— Выбираете подарок для девушки? — со знанием дела предложила она. — Тема этой коллекции — «Любовь», ваша избранница точно будет в восторге.

Она специально вынула серьгу, чтобы Ли Жун мог рассмотреть выгравированное на обороте слово «love». Юноша на мгновение задумался, нахмутив брови, и не удержался от вопроса:

— Если девушке понравится, а парень разозлится — что мне тогда делать?

Продавщица застыла:

— Простите... что?

Ли Жун тихо вздохнул и с разочарованием потёр переносицу.

— Пожалуй, я передумал.

Когда он ушёл, женщина шепнула коллеге:

— Нынешние студенты совсем с ума посходили. Мало того, что крутят романы на два фронта, так ещё и с полем определиться не могут.

— Красивый он, — отозвалась та. — Вот и липнут все подряд.

В итоге Ли Жун купил брошь в виде пшеничного колоса, лишённую всякого романтического подтекста. Он не собирался по-настоящему унижать семнадцатилетнюю девчонку. Семье Сун не стоило оскорблять его в лицо, но и ему не было нужды тратить силы на месть. Сцены, разрушающие чужое мировоззрение, были излишни — достаточно просто стать друг другу чужими.

Седьмой класс, где училась Сун Юаньюань, находился напротив экспериментального, через небольшой внутренний дворик. Поднявшись на шестой этаж, Ли Жун почувствовал, как сбилось дыхание. Сдерживая кашель, он согрел ладони и приложил их к шее, унимая першение в горле. Когда дыхание выровнялось, он достал футляр с украшением.

Коробочка, согретая теплом его тела в кармане куртки, на сквозняке в коридоре мгновенно остыла. Ли Жун уже собирался позвать Сун Юаньюань, как вдруг заметил, что внутри назревает ссора.

— Ой, Сун Юаньюань, твой парень — Ли Жун, зачем ты постоянно пишешь Цэнь Сяо?

— Пф-ф... Да ладно, вы ещё не расстались? Ты что, не слышала новости? В «Хунсо» его

родителей официально признали учёными с подмоченной репутацией.

— Ваша семья так близка с семьёй Ли... Уж не замешаны ли вы тоже? Как говорится, одного поля ягоды.

— Теперь, как вспомню, как ты хвасталась своим парнем, так и тянет посмеяться... То есть, посочувствовать тебе!

Сун Юаньюань изводили несколько девиц, чьи родители имели связи в «Хунсо». Они давно точили на неё зуб: их бесило, что её выбрали «красавицей класса» и что она встречается с Ли Жуном. Но времена изменились, и теперь связь с семьёй Ли стала клеймом.

Девушка густо покраснела. Задетая за живое, она резко выпалила:

— Мы с Ли Жуном давно расстались, хватит нести чушь!

— Да неужели? А почему мы об этом не слышали? Ты же всего пару дней назад бегала к нему.

Сун Юаньюань холодно усмехнулась и высокомерно вскинула подбородок:

— Простите, что не разслала вам официальное уведомление. Вместо того чтобы собирать сплетни, лучше бы на свои оценки посмотрели. Если потомки профессоров «Хунсо» не пройдут в Университет А, это будет куда позорнее, чем роман с сыном учёного с подмоченной репутацией.

— И всё равно тебе позорнее. Моя мама сразу сказала мне держаться от Ли Жуна подальше.

Кровь прилила к лицу Сун Юаньюань, от ярости у неё защемило в груди, но она продолжала держать маску превосходства:

— Можете не беспокоиться. У нашей семьи безупречная репутация, и мы давно разорвали все деловые связи с семьёй Ли.

Она крутанулась на каблуках, заставив хвост хлестнуть по воздуху, и, прихватив термос, направилась за горячей водой. Проходя мимо второго ряда парт, она внезапно с силой пнула стул одной из учениц. Девушка вздрогнула всем телом, и кончик её ручки прочертил на бланке с тестами уродливую полосу.

— Цзи Сяочуань! Сколько можно жрать эти сосиски в классе? Вонючка на весь кабинет! Никогда не видела такой неопрятной девчонки!

Девушка, которую назвали Цзи Сяочуань, мельком взглянула на обидчицу и снова уткнулась лицом в согнутые руки. Её пальцы судорожно переплелись, а суставы громко хрустнули.

— Я... я го-го-голодна... Вче-вчера...

Сун Юаньюань даже не стала слушать. Она намеренно повысила голос:

— Чёртова заика. От разговора с тобой только жизнь укорачивается.

Увидев замешательство Цзи Сяочуань, дочери сотрудников «Хунсо» мгновенно переключились на новую жертву, забыв про прежнюю цель.

— Боже, ну и запах. Сплошная химия. Мой папа запрещает мне есть подобную дрянь.

— Спасите, можно мне пересесть?

— Ха, помните, как на днях Цзи Сяочуань пыталась заговорить с Цуй Миньяном из экспериментального? Бедный парень так перепугался, что просто сбежал. Вот умора!

Дыхание Цзи Сяочуань стало прерывистым. Неровная чёлка скрывала её круглые глаза, в углу одного из которых темнел небольшой синяк в форме полумесяца. Этот след делал её милостивое лицо каким-то загнанным и болезненным.

— Я не... не пыта-талась...

— Не смей со мной разговаривать! — взвизгнула Сун Юаньюань.

Ли Жун молча наблюдал за этой сценой от двери. В его памяти всплыл запах жареных сосисок, который иногда доносился из коридоров лаборатории «Хунсо».

Цзи Сяочуань. Гений практики, чьи результаты всегда были безупречны. Её глаза и руки были точнее самых совершенных приборов. К сожалению, из-за своего затворничества и замкнутости у неё почти не было друзей. Большую часть времени она проводила на пожарных лестницах лаборатории, читая книги и жуя те самые сосиски.

Его знания о ней ограничивались лишь этим. Они работали в разных группах и над разными проектами, но каждый раз, когда Ли Жун приходил в лабораторию, Цзи Сяочуань уже была там. Поговаривали, что из-за заикания её в детстве часто избивали дома — даже собственные родители её недолюбливали.

Ли Жуну казалось, что он смотрит какую-то нелепую и жестокую пьесу. Эти девицы из «Хунсо»

вовсе не презирали его семью — по правде говоря, с их положением они бы даже на порог к профессору Ли не попали. Им просто нужно было задеть Сун Юаньюань. А её роман с Ли Жун стал идеальным оружием. Теперь они могли травить её с чувством собственного достоинства.

А Сун Юаньюань, чтобы избавиться от этого позора и боли, перенаправила дуло своего гнева на беззащитную Цзи Сяочуань. В школьном коллективе одинокий человек с изъяном — всегда идеальная мишень. Стоит направить на него общую ярость, и ты сам магическим образом выходишь из-под удара.

Жертва, стремясь избежать незаслуженных обвинений, мгновенно сама превращается в палача. Никто не хочет сопротивляться системе — следование даже самым уродливым правилам является общим свойством всех трусливых существ.

Именно поэтому Ли Цинли и Гу Нун тоже стали жертвами этой бури.

Тогда «тётя в варежках» сказала, что студенты, получавшие от неё тепло, обязательно вспомнят, какими хорошими людьми были его родители. Ли Жун лишь улыбнулся в ответ, не желая разрушать её хрупкие иллюзии.

На самом деле — нет. За последующие шесть лет ни один студент его родителей не осмелился вслух произнести, что они были достойными людьми. Всё погрузилось в безмолвие, словно в Мёртвое море, и голоса прошлого были навсегда погребены под толщей времени.

Сун Юаньюань обошла стол Цзи Сяочуань и, подняв голову, увидела прислонившегося к дверному косяку Ли Жуна. Она замерла. На нём была белоснежная куртка, воротник которой был слегка расстёгнут, обнажая покрасневшую от холода шею. Несмотря на удобу, его расслабленная поза была невероятно притягательна. Мягкие, довольно длинные волосы спадали чуть ниже мочек ушей, а вьющиеся бакенбарды отливали тёплым светло-коричневым цветом.

Ли Жун посмотрел на неё, едва заметно улыбнувшись, и в его чистых, прозрачных глазах отразилось её испуганное лицо. Горло Сун Юаньюань сжалось, она судорожно вцепилась в термос, а в голове стало пусто.

«Раньше я была другой», — пронеслось в её голове.

«Перед Ли Жунем я всегда была нежной, сообразительной и доброй девочкой. Раньше мы вместе ходили в книжный, и если на пути попадался нищий старик, он холодно замечал, что тот мошенник, а я всё равно давала ему денег»

«Потому что мне было плевать на обман — я просто была более мягкосердечной, чем он»

«Я была не такой, как сейчас»

— Ли Жун, — тихо позвала она.

В Седьмом классе воцарилась тишина. Ученики, которые только что твердили о необходимости держаться от него подальше, при его личном появлении заметно стушевались. Красивые и успешные люди подсознательно внушают трепет.

Ли Жун оттолкнулся от косяка, выпрямился и вошёл в класс. Пройдя мимо остолбеневшей Сун Юаньюань, он направился прямо к Цзи Сяочуань. Юноша слегка прищурился и с напускным вздохом произнёс:

— Послушай, не трать время на самобичевание. Лучше налегай на университетскую программу — скоро эти девицы останутся так далеко позади, что даже их имён не вспомнишь.

Цзи Сяочуань широко раскрыла глаза, тупо глядя на него, словно не понимая смысла сказанного. Она никогда не разговаривала с такими людьми, как он. Даже если все вокруг твердили, что Ли Жун теперь никто, для неё он всё равно оставался недосыгаемым. Она облизнула сухие губы, невольно вцепившись в свои колени так сильно, что ногти побелели.

— Я... ты...

— Потом приведёшь себя в порядок и будешь посимпатичнее их всех. Вот, эта брошь тебе подойдёт. Дарю.

Ли Жун положил маленькую коробочку перед Цзи Сяочуань. Его длинные пальцы с чистыми, аккуратными ногтями делали это движение невероятно элегантно.

— Когда эти люди придут умолять тебя помочь им с экспериментами, не забудь припомнить им этот день. Я не слишком жалею бесхребетных добряков.

Он говорил с улыбкой, в которой сквозила ирония, а в его глазах плясали лукавые огоньки. Цзи Сяочуань застыла, не смея произнести ни слова. Изящный футляр лежал всего в десяти сантиметрах от неё.

«Как он может говорить, что это мне подходит? — мысли девушки путались. — Я же такая заурядная, такая неряшливая, такая жалкая»

«Почему Ли Жун говорит, что я стану лучше?»

Глядя на её ошарашенный вид, Ли Жун задумался: не слишком ли он шокировал семнадцатилетнюю девчонку предсказаниями будущего? Психика Цзи Сяочуань сейчас была

довольно хрупкой. Поэтому он счёл нужным добавить:

— Но в будущем можешь помогать с экспериментами мне. Меня не раздражает запах сосисок.

Сказав это, Ли Жун решил, что выполнил свой долг. У него не было общих дел с этой девушкой, он просто почувствовал мимолётную связь через судьбу своих родителей и решил вмешаться. Закончив, он сморщил нос от холода, спрятал озябшие пальцы в карманы и невозмутимо вышел из кабинета Седьмого класса.

Цзи Сяочуань долго смотрела ему вслед. За огромным окном сияло полуденное солнце — яркое и горячее, оно пробивалось сквозь толщу облаков, сквозь ледяной осенний ветер, сквозь круговерть красных листьев и пыль этого мира. Его свет падал на Ли Жуна, и это было так красиво, что, казалось, эти блики способны заполнить даже самые старые и глубокие трещины в её душе.

Седьмой класс и экспериментальный находились дверь в дверь, поэтому слухи разлетались со скоростью звука.

— Ли Жун из экспериментального подарил подарок той зайке из Седьмого!

Этот шёпот долетел до класса вслед за самим юношей. Поход в торговый центр вымотал его: он прошёл лишние пару километров и сжёг немало калорий, так что теперь выглядел совершенно обессиленным.

Забота Цэнь Сяо выразилась в четырёх холодных словах:

— Искуситель и бабник.

Ли Жун подпёр щеку рукой и повернул голову к нему. Сдвинув брови и состроив жалобную мину, он с преувеличенной обидой пробормотал:

— Где же я бабник? Я сама невинность.

В глубине души Цэнь Сяо нравилось смотреть на его напускную обиду, но новости о подарке другой девушке отбили у него всякое желание любезничать. Разумеется, он не думал, что Ли Жун в кого-то влюбился — для Ли Жуна чувства были чем-то слишком незначительным.

Юноша, вскинув брови, внимательно следил за его реакцией. Тень улыбки мелькнула на его губах, и он принялся неторопливо объясняться, а его голос стал мягким, словно тающий десерт:

— Я хотел подарить подарок своей девушке, но кто же знал, что у неё такая безупречная

репутация? Вот подарок и не нашёл адресата. Она ведь и тебя пригласила, неужели ты ничего не приготовил?

Договорив, Ли Жун в упор посмотрел на Цэнь Сяо. Его веки были чуть припухшими от усталости, и на левом глазу пролегла тонкая складка. На первый взгляд в этом взгляде читался допрос. Называя другую своей девушкой, он ухитрялся при этом с полным правом допрашивать другого.

Цэнь Сяо почувствовал непреодолимое желание коснуться этой складки на веке. Потребовалось десять секунд, чтобы подавить этот порыв, после чего он сухо бросил:

— Ничего.

— Хм.

Ли Жун не выглядел удивлённым, но внезапно он чуть прищурился, и в его взгляде появилось нечто по-детски лукавое.

— А на семнадцатое ноября... — с надеждой спросил он, — ты приготовишь мне подарок?

<http://bllate.org/book/15351/1417016>